

Вдвоем они прошли внутрь, к самим кортам, по-прежнему не говоря друг другу ни слова (возможно, из особого почтения к этому месту), и, полюбовавшись двумя кортами для сквоша с застеленных ковровыми ступеней трибун, вышли наружу, под слепящее солнце, и медленно направились к зданию общежития, смешавшись с прочими учащимися и суетящимися вокруг них взрослыми. Бен поймал себя на том, что в душе, похоже, ожидал, что Мэнли Прайс буквально живет на этих кортах.

— В самый первый день родители задерживаются тут слишком долго, — с улыбкой сказал Бену отец. — И от этого всем только хуже.

А потому, дойдя до крыльца корпуса Хоули и пропустив вперед двоих ребят, которые занесли в общежитие каркас для futon-матраса, Бен крепко обнял на прощание отца. Наконец они отстранились друг от друга, отец плотно сжал губы, и вскоре его «Вольво» аккуратно вырулил с парковки. На этом связь Бена с внешним миром оборвалась.

Глава 2. Кулачки поневоле

Проводив взглядом отца, Бен вновь повернулся к общежитию, оказавшись перед входом уже один, и лишь теперь вспомнил о своем соседе по комнате. Представив, как они сядут вдвоем поболтать после вечерней проверки, как поделятся, кто откуда приехал, Бен сумел притупить внезапно нахлынувшую на него тоску по дому.

Тут же появился приставленный к Бену старший товарищ, который должен был шефствовать над ним в первые дни пребывания в школе. Он представился как Эйвери и крепко пожал Бену руку. Извинился, что не пришел

помочь носить вещи. Эйвери оказался гребцом-академиком из школьной команды. У него было прыщавое лицо, которому явно суждено было остаться рябым, а еще он, похоже, почему-то кичился тем, что от него за километр разит потом. Вместе они прошли к дому ректора, дабы лично выказать почтение мистеру Эстону (в любой другой частной школе Эстон именовался бы директором, однако в Сент-Джеймсе сохранили название «ректор», признавая религиозные истоки заведения). Затем Эйвери отвел Бена в канцелярию, где новенькому сразу же оформили ученическое удостоверение. Отведя Бена обратно к корпусу Хоули, Эйвери сказал, что увидятся они на большом ужине, как именовалась в школе традиционная всеобщая вечерняя трапеза в столовой.

Бен зашел в общежитие. На втором этаже он распахнул противопожарную дверь с широким окном, затянутым проволочной сеткой, и двинулся по коридору, разглядывая свой новенький ученический билет и водя большим пальцем по глянцевому фото. Сейчас он даже пожалел, что так худ: на фотографии у него под скулами пролегли легкие тени.

Бен не знал, что в команде юниоров его прозвали Щепкой.

Убрав наконец удостоверение в карман, он обратил внимание, что дверь в комнату двадцать четыре слегка приоткрыта. И хотя он не слышал оттуда ни звука, Бен уже вообразил, что парнишка, его сосед, наверняка увлекается The Allman Brothers, и чуть ли даже не услышал из своей комнаты запись какого-нибудь альбома этой группы. Но тут он обнаружил, что с двери пропала репродукция с бескрылой гагаркой. Изнутри комнаты теперь слышались протяжный, раздражающий металлический скрежет и глухие ритмичные удары. Остановившись на пороге, Бен увидел, что приоткрытая дверь подперта

серым резиновым клином. Несколько мгновений он просто неподвижно глядел на происходящее в комнате, пользуясь тем, что его никто пока не заметил.

За одним из столов, слегка разомкнув пересохшие губы, сидел очень смуглый подросток в нарядной, сливового цвета рубашке и разглядывал карту школы из приветственной папки для новоприбывших. У дальней стены стояла разобранный на части кровать, и два низкорослых и очень поджарых мужичка в темных комбинезонах что-то сооружали. Один, опустившись на колени над небольшим торцовочным станком, отрезал бруски два на четыре дюйма, а второй их приколачивал к стене.

Бен поглядел на лицо подростка, и оно показалось ему совершенно ясным и спокойным. И тут же Бен осознал, что собственное его лицо, которое он пытался делать таким же непроницаемым, напротив, чуть ли не каждую секунду выдавало все сомнения, страхи и отчаянное предчувствие будущего, равно как и немислимые усилия скрыть эти сомнения, страхи и это отчаянное предчувствие. И даже когда Бен окончательно уразумел, что это и есть его сосед, он все равно не мог отделаться от стойкого ощущения, что парень просто ошибся комнатой.

Первым Бена заметил тот рабочий, что стоял на колене над станком. Он вскинул взгляд на вошедшего, потом быстро поднялся и опустил руки по швам, почти как в армии.

— Здравствуйте, — как будто с нарочитой отчетливостью сказал он Бену, в то же время оборачиваясь на сидевшего за столом парня.

Другой рабочий развернулся, машинально взяв перед собой двумя руками молоток.

Подросток поднял глаза от карты и посмотрел на Бена так, будто только что вышел из темного подвала

на яркое солнце. Чаще всего, когда Бен встречался с новыми людьми, он в этот момент особо не задумывался, по душе они ему или нет, — почти всегда он думал лишь о том, понравится ли он им. Но сейчас Бен понял, что этому парню он определенно понравится, и, даже мысли не имея как-то этим воспользоваться, почувствовал в себе неожиданную жестокость. Мальчишка слишком быстро вскочил, так что его стул закачался на задних ножках. Стоявший вблизи рабочий сделал движение, чтобы стул остановить, однако через мгновение тот снова закачался.

— Бен! Ты Бен! — вскричал парень. — А я Ахмед! Ахмед аль-Халед.

— Привет, Ахмед.

Они пожали друг другу руки, и, когда пора бы уже было прервать рукопожатие, Ахмед продолжал удерживать ладонь Бена, причем одновременно и крепко, и как-то по-девчоночьи. Парнишка выглядел упитанным, но здоровяком его было не назвать.

— Я посмотрел твою фотографию в справочнике учащихся. — У него ощущался британский акцент, но едва заметный, как будто каждое его слово только-только вынули из упаковки. — Я даже сочинял к тебе письма, вот только все не знал, как правильно закончить. — Ахмед так произносил все «п», что они звучали у него скорее как «б», а «р» у него получались с какой-то легкой вибрацией. — Я тебя именно таким и представлял! Ты как раз такой сосед, о котором я мечтал все время.

Ахмед встретил невозмутимый взгляд Бена, увидел его серые спокойные глаза и сдержанную улыбку. Самому же Бену в этот момент собственная сдержанность казалась куда более уместной, нежели бьющая через край радушность соседа. Хотя в душе Бен уловил самого его удивившее тревожное волнение.

— Да? Здорово, — ответил он и наконец сумел высвободить руку.

Бен посмотрел на рабочих, на то, что они мастерили в комнате, и Ахмед проследил за его взглядом. Потом вновь посмотрел на Бена, и его как будто осенило, что непременно требуется что-то сказать.

— Ах да, Бен, это Гектор и... Бенито? — Человек, которого назвали Бенито, кивнул, и оба рабочих улыбнулись Бену, обнажив попорченные зубы.

Потом Бен заметил, как оба глянули мимо него в сторону двери, и сразу понял, что там творится что-то неладное. Обернувшись, он увидел в дверном проеме трех парней, со скептическими улыбками заглядывавших в их комнату. Бен повернулся обратно и наконец увидел то, что рассматривали они. Четко по центру каждой из стен висели в рамочках фотографии школы: ярко-красный клен перед зданием капеллы, вид из-за пруда на библиотеку Кайпера на закате, длинная лодка с командой гребцов в предрассветном тумане. Стереокolonки Бена с наушниками были отодвинуты, и на их месте стоял черный лакированный стенд с блестящим новеньким раздвигающимся сиди-плеером марки Bang & Olufsen и двумя стоящими по бокам колонками высотой по грудь.

Репродукция с бескрылой гагаркой лежала поверх колонок Бена. Гектор и Бенито, вне всякого сомнения, находились здесь в качестве обслуги.

Бен повернулся к Ахмеду, на лице которого осталось все то же, почти не изменившееся, выражение радостного предвкушения и который теперь глядел в дверной проем так, будто счастлив был приветствовать каждого встречного. Бен ожидал, что другие ребята просто зайдут к ним в комнату, станут все подряд брать в руки и смеяться. Один из парней, в бейсболке с аббревиатурой Вермонтского университета, воскликнул:

— Бог ты мой! Ты только глянь!

Бен, разумеется, тоже посмотрел в направлении, куда указывал парень. Там стоял гигантских размеров диван из бордовой кожи с кожаными кисточками и блестящими латунными шляпками обивочных гвоздей. Бен тут же представил, как Бенито с Гектором с напрягшимися на шеях жилами затаскивают этот диван сюда по лестнице, сопровождаемые целым потоком наставлений Ахмеда. В проеме возникли еще двое ребят и тоже стали изумленно тарашиться на диван.

Бен повернулся к парням, стоящим на пороге, со снисходительной улыбкой выбил ногой поддерживавший дверь клинышек и наконец закрыл ее. Потом развернулся к Ахмеду и, указав на инструменты и бруски, поинтересовался:

— А это вот для чего?

— Поднимаешь кровать выше — и под нее можно поставить стол. Получается максимум свободного пространства. Можем и тебе то же самое сделать, — предложил Ахмед, коротким взмахом ладони указав на рабочих, будто преподносил их Бену в дар. Казалось, от таких усилий по поддержанию сияющей улыбки у него уже должно было заболеть лицо.

— Да мне, в общем, и так... хорошо. Спасибо, конечно. Улыбка Ахмеда приугасла.

— Сидеть тут при этих работах — удовольствия мало. Может, заглянем пока в здешний клуб? Посидим в кафетерии, узнаем друг друга получше — пока здесь все закончат. — И он снова улыбнулся.

— Зачем ты снял со стены мой постер?

— Эти фотографии очень красивы.

Бен посмотрел на двоих рабочих, лица которых сейчас были озабоченными и отстраненными одновременно. Им явно хотелось, чтобы эти двое мальчишек за-

кончили наконец разговор и можно было бы доделать работу.

— Может, пойдем в кафетерий и познакомимся друг с другом получше, пока здесь всё закончат? — снова предложил Ахмед.

Бен был уверен, что забегаловка в «берлоге» в это время окажется закрыта, а в игровом зале никого не будет.

— Пожалуй, я лучше прогуляюсь пока немного, поздоровуюсь кое с кем. — Говоря это, Бен старался не смотреть в лицо Ахмеду. Он сделал вид, будто оглядывается в поисках чего-то, что может ему понадобиться перед уходом. — Я вернусь к пяти, переодеться перед большим ужином, так что...

У него не хватило наглости сказать: «Так что будет лучше, если к этому времени все окажется закончено». И он просто кивнул Гектору и Бенито.

— Я с надеждой смотрю на предстоящий год, — произнес Ахмед. И вновь его лицо как будто не выражало ничего, кроме искренней радости.

Счастливо улыбнувшись, Ахмед понял, что Бен принял эту улыбку точно подношение, тут же отложенное в сторону.

— Я тоже, — ответил Бен и отвернулся.

Он медленно повернул дверную ручку и выглянул в коридор. Там уже было пусто.

Когда Бен вышел в коридор с его стойким ароматом чистящих средств и едва ощутимым запахом плесени, на него вновь накатила тоска по дому. Ему так хотелось бы жить на пару с кем-то вроде Тима Грина. Как было бы чудесно без всей этой крутизны! Он представил, как целый год будет делить комнату с этим человеком, и от перспективы, что ему у себя будет даже не расслабиться, Бен едва не заплакал. Он имел право на то, чтобы отдохнуть и расслабиться у себя в комнате!

Бен толкнул дверь на лестницу, расположенную в конце коридора, и позволил гравитации доставить его вниз, к выходу, одолевая разом по две-три ступени. Оказавшись на улице, он направился к школьной генераторной станции, расположенной в юго-западном конце кампуса. В башне капеллы кто-то играл на карильоне¹⁴, и Бену с трудом удалось распознать тягучие переливчатые мелодии. В промежутках между церковными гимнами вставлялись озорные пассажи из «Инспектора Гаджета» и битловской песни «С тех пор как я ее заметил».

Встречая кого-либо по дороге, Бен быстро опускал глаза, рассматривая поочередно мелькающие носки своих ботинок. Всякий раз, поднимая взгляд или сворачивая за угол, он ожидал увидеть перед собой Хатча.

Бен уже не помнил, как в их команду в «Микроне» попал Тим Грин. Он жил недалеко от Чипа, в соседнем квартале, где друг за другом стояли двухэтажные дома в колониальном стиле. Разница между приятелями была изрядной. Тим и его отец носили футболки, оставшиеся у них от массового забега на пятикилометровку. Возле дорожки к дому у них вечно стояли кувшины с холодным чаем, никто не приходил к ним стричь газон или ухаживать за клумбами в саду. На заднем дворике у Тима не было достаточно места, чтобы как следует запустить летающую тарелку, а потому они обычно шли к пожарному водоему недалеко от его дома или просто останавливались поболтать на тихой улице.

Однажды мама Бена, подбрасывая его на машине к дому Тима, обмолвилась:

---

¹⁴ *Карильон* (фр. carillon) — механический музыкальный инструмент, представляющий собой набор неподвижно закрепленных колоколов, языки которых соединены с клавиатурой при помощи проволочной передачи (как вращающийся вал в органе). *Прим. ред.*

— Терпеть не могу, когда дома стоят так близко друг к другу. Так, что каждый может смотреть у другого телевизор.

И в самом деле, как-то раз, когда уже стемнело, Бен с Тимом возвращались от лужайки с пожарным водоемом, и Бен заметил, как сквозь занавешенные окна трех стоящих рядом домов пробивались синхронные сполохи света.

Тим хорошо играл на гитаре, а Бен брал уроки фортепиано, и потому, когда им наскучивало играть в сквош, друзья перебирались в дом к Тиму и устраивали сейшены у Тима в спальне, причем Бену приходилось играть на дешевеньком синтезаторе. Поскольку ничего серьезного никто от этого не ждал, для ребят такое занятие являлось лишь праздным удовольствием. Бен думал, что все эти долгие часы ничегонеделания будут в полной мере им искуплены в закрытой частной школе, когда он встретит человека, который станет ему лучшим другом.

Тут он сообразил, что до сих пор так и не повидался с Прайсом. И хотя Бен находился на кампусе всего-то пару-тройку часов, он испытывал в связи с этим некоторое чувство вины, хотя и сознавал, что Прайс в курсе, что Бен уже приехал, и он наверняка даже знает, где тот разместился, — и все равно умышленно скрывал свое присутствие до некоего более подходящего случая.

Когда примерно через час Бен вернулся обратно в корпус Хоули, все строительное оборудование уже исчезло, центр комнаты был застелен ковром в персидском стиле, кровать Ахмеда висела в пяти футах над полом, а под ней стоял письменный стол.

Ахмед сидел на красном кожаном диване, который установили в промежутке между окнами. На нем были белые боксерские шорты и белая майка, плотно облегающая живот. Бен перевел взгляд с Ахмеда на другой

конец комнаты... И обнаружил, что его кровать точно так же поднята высоко над полом.

— Погоди-ка, зачем ты сделал это с моей кроватью?

— Ты же сам сказал: «Хорошо».

— Я сказал, что мне и без этого хорошо!

— Но ведь так лучше.

— Ахмед, ты вообще откуда?

— Из Дубая. Очень надеюсь, ты побываешь у меня в гостях! — Сказав это, Ахмед даже почувствовал волнение от перспективы, что Бен к нему действительно решит приехать.

Бен как можно сильнее воткнул канцелярскую кнопку обратно в дверь и повесил «Бескрылую гагарку» на прежнее место.

Потом он отправился в душевую и, несмотря на бушующую внутри ярость, не мог отделаться от тревожного предположения, что кому-то из старшеклассников тоже захочется вдруг освежиться. Бен никогда еще не слышал даже такого названия: Дубай.

Когда он вернулся в комнату, Ахмед тоже отправился в душ в своем вафельном халате и сандалиях-вьетнамках (Бену даже в голову бы не пришло назвать их просто шлепками), неся в руке проволочную корзинку с шампунями и мылом, марки которых Бен не распознал.

Вернувшись в комнату, Ахмед принялся доставать из багажа свою одежду: костюм от Brioni, туфли от John Lobb, одну из парадных сорочек, что пошили ему в Лондоне на Джермин-стрит¹⁵, голубой с розовым галстук от Hermès. С каждым извлеченным из чемодана предметом Ахмед ожидал, что Бен будет одобрительно кивать, восхищаясь его познаниями в мужской одежде и изыскан-

---

¹⁵ Улица в Лондоне, где расположены магазины лучших портных, специализирующихся на пошиве классических английских рубашек. *Прим. ред.*

ным вкусом, — примерно так же, как надеешься, что продавец в магазине пластинок поощрительно покивает при виде тех альбомов, что ты принес к кассе.

Однако Бен, не говоря ни слова, натянул свои брюки хаки с чуть обтрепавшимися уже штанинами, голубую оксфордскую рубашку, выбрав к этому красный галстук с мелкими голубыми прожилками в виде узора пейсли, потом вынул из большой спортивной сумки и развернул голубой блейзер, который мама купила ему в интернет-магазине Marshalls. На ноги натянул темно-коричневые топсайдеры¹⁶.

Бен едва ли смог бы назвать все те бренды, что носил Ахмед, однако при виде того, как его сосед столь вызывающе наряжается, он испытывал некую смесь сострадания и презрения. Самому Бену было присуще чувство меры. У его семьи и их друзей всего имелось в достатке: были и дома с широкими террасами и причудливыми башенками, и свои теннисные корты, и бассейны — и все же у Бена и его близкого окружения всегда в душе сидело ощущение, что лондонский Гринвич или центр Нью-Йорка являются для них воплощением чересчур кричащей роскоши, на которую из какого-нибудь Данбери, штат Коннектикут, всегда будут смотреть снизу вверх. Однако в этом крылась какая-то своя, особенная гордость — в этом умалении собственной значимости, в этой «всего лишь не столь пышной» презентабельности. Какая-то глубокая, исконная связь все же объединяла кальвинистов-янки Новой Англии, склонных к повторному использованию чайных пакетиков и постоянному убавлению термостата. Разве что дядюшка Рассел сильно выбивался из всей этой картины. В семье же у Бена черная икра и дорогое вино были позволительны лишь пару раз

---

¹⁶ Разновидность мужской летней обуви, внешне напоминающая лоферы, но с устойчивой резиновой подошвой. *Прим. ред.*

в году, по особым праздникам, а все остальное время они в своей роскоши ограничивались крекерами «Трисквитс» и чеддером из супермаркета.

Уже десятки лет семья Бена снимала себе для отдыха какой-нибудь тихий, уютный домик на острове Нантакет у восточного побережья Северной Америки. Однако теперь там вокруг стали стремительно вырастать новые виллы — все больше и все выше, — которые представлялись им вульгарными и аляповатыми. И даже сама мысль о том, чтобы приобретать себе нечто, чем ты будешь пользоваться всего три недели в году, казалась семье Бена вопиющей расточительностью.

И тем не менее в семье считали, что для Бена и Тедди очень важно побывать в Лондоне и Париже, в Риме и Афинах, — и мальчики бывали во всех этих городах. В семье считали, что Бену необходимо учиться играть на фортепиано, и потому у них стоял рояль Steinway и Бен еженедельно брал уроки — до тех пор, пока мысли о серьезном постижении этого искусства не развеялись напрочь. Притом что они вполне могли себе позволить «Мерседес» или БМВ — все, что было круче, чем «Вольво» или «Ауди», считалось ими уже роскошью. Для Уиксов было очень важно, чтобы их сыновья умели, что называется, «чувствовать разницу». И Тедди волен был ходить в клуб Gold & Silver, если ему этого хотелось, — но, по мнению родителей, тому же Тедди полезно было летом поработать где-нибудь простым озеленителем ландшафта, дабы уяснить ценность хорошего образования. Уиксы любили полакомиться мороженым Ven & Jerry, готовили по книгам «Серебряный вкус»¹⁷. К ним приходила убор-

---

¹⁷ «Серебряный вкус» (англ. The Silver Palate) — ставшая чрезвычайно популярной в США серия поваренных книг Шейлы Лакин и Джулии Россо, в 1980-е годы сообща державших в Нью-Йорке одноименное заведение для гурманов. *Прим. пер.*

щица, хотя идея нанять помощницу по дому относилась еще к давним временам — теперь это сочли бы совершенно непродуманным шагом. В прежней школе у Бена, куда он ходил каждый день, два года не могли отремонтировать крышу над аудиторией, однако там все равно полуофициально настаивали на дресс-коде, в том числе и по пятницам, и теперь Бен уже с привычной легкостью справлялся с завязыванием галстука.

Когда Бен последним движением поправил на шее галстук, поместив узел перед пуговицами на воротничке, и надел блейзер, Ахмед все еще стоял босой на полу, в рубашке с расстегнутыми французскими манжетами¹⁸, торчащими на его руках, точно пластиковые конусы на голове у кастрированных псов. Специальным валиком он бережно удалял пылинки и ворсинки с угольно-черного, в тонкую полоску пиджака, повешенного им на спинку стула.

— Нам пора уже, Ахмед, — поторопил его Бен.

— Да... вот только застегну... — воздел он оба манжета. — И сразу буду готов.

Все третьеклассники из корпуса Хоули (которые во внешнем мире считались бы девятиклассниками) уже собрались и ждали в общей комнате, чтобы всем вместе отправиться в столовую на коллективный большой ужин, и никто ни с кем не разговаривал. Старший воспитатель корпуса мистер Деннет, в широком синем пиджаке и туфлях на толстой подошве, стоял у выхода в коридор. Деннет пытался перешучиваться с переминавшимися рядом с ним ребятами, однако те посмеивались явно из вежливости.

---

¹⁸ В отличие от простых манжет на пуговицах, двойные манжеты заворачиваются и, соответственно, являются двухслойными. Пуговицы на этих манжетах отсутствуют; вместо них есть четыре петли, в которые вставляются запонки. *Прим. ред.*

Насколько мог судить Бен, все, кого разместили в этом общежитии, уже пришли и теперь ждали лишь Ахмеда.

— Эй, друг! Это ты брат Тедди Уикса? — шепотом спросил его высокий светловолосый парень, у которого воротничок аж на полдюйма оттопыривался от шеи.

— Ага, — так же шепотом ответил Бен, однако стоявшие рядом ребята определенно его слышали. И ему подумалось, что, начни они сейчас говорить на нормальной громкости, и остальные в этой комнате сразу принялись бы болтать в полный голос, и тогда посреди общего гама можно было бы спокойно между собой пообщаться.

— Он же прошлой весной окончил, верно?

— Ага.

— Так ты, значит, его брат?

— Ну да.

— Я слышал, он за две недели написал роман в пятьсот страниц, а потом его пришлось отправить в психушку.

— Нет, это совершенно точно неправда.

Блондинистый парень, нахмурившись, посмотрел на Бена, словно тот не имел права опровергать сложившиеся о его брате легенды. Дескать, то обстоятельство, что Тедди был его братом, являлось для Бена бесценным преимуществом и Бен должен был воспринимать брата как свое великое достояние.

Теперь к их разговору прислушивались уже все стоявшие вокруг ребята.

Тут к нему подался другой светловолосый юноша, стоявший возле телевизора, обшитого псевдодеревянными панелями.

— А я слышал, что он за две недели умудрился надуть живот двум девицам и школе пришлось раскошелиться на два тайных аборта. — Парень был достаточно худо-

щавым, чтобы походить на школяра. — Это правда? — спросил он Бена.

— Не знаю. Ни разу об этом не слышал.

Тогда первый светловолосый продолжил:

— А я слышал, как он развинтил свою лавовую лампу, вылил парафин под растение какому-то новичку, а когда парень спросил, что это такое, ответил, что это дочка старшего по корпусу сделала себе аборт, а мертвый плод спрятала под растение.

— Ничего себе! — воскликнул, смеясь, блондин помладше, и теперь уже на них воззрился мистер Деннет. Лицо у него сделалось не то отрешенным, не то насупившимся. Расстроило ли его то, что все стоящие рядом вдруг зашумели? Или он услышал фразу о старшем по корпусу и решил, что дети судачат о нем? Или он так посмотрел на Бена, потому что тот показался ему потенциально такой же выдающейся личностью, как и Тедди? Бен даже пожалел, что не может сейчас дать всем понять, что он известен как лучший в Америке сквошист в категории до пятнадцати лет.

— Кого не хватает? — произнес мистер Деннет и пересчитал мальчиков парами. Потом сверился со списком на планшете с зажимом и поднял взгляд на Бена. — Послушай, Бен, похоже, последним у нас остался лишь Ахмед. Не мог бы ты его привести? Мы должны уйти... — взглянул он на свои спортивные электронные часы, — ровно через минуту, если не хотим опоздать.

— Он сказал, что сейчас будет...

Бен взбежал по лестнице, от гнева вскидывая ноги стремительнее обычного, распахнул дверь с площадки, громко протопал жесткими подошвами по коридору и толкнул дверь в комнату. Ахмед по-прежнему сидел на диване в трусах и незастегнутой рубашке, терпеливо просовывая запонку в дырочки на левой манжете.

Он поднял голову и кивнул Бену, после чего вновь склонился над своим занятием, проговорив:

— Иногда очень легко проходит, а иногда, бывает, точно лапшу суешь в иголку. — Он снова поднял взгляд и улыбнулся получившейся шутке.

— Ахмед! Ты что вообще делаешь?! Там все ждут тебя внизу!

Ахмед вспрыгнул с дивана, так и оставшись с болтающимися манжетами, и метнулся к брюкам, висевшим на спинке стула.

Бен помчался назад по коридору, через пожарную дверь выскочил на площадку и, перегнувшись через перила, прокричал:

— Он почти готов, мы сейчас будем!

— Послушай, ты же знаешь, где столовая, — отозвался мистер Деннет. — Твое место — за столиком номер восемь в среднем зале, а у Ахмеда — номер четырнадцать в нижнем. Запомнил?

Бену захотелось сорваться с места и устремиться вслед за всеми, однако его больно кольнула мысль о том, как Ахмед будет беспомощно бродить по безлюдному кампусу, не зная, куда идти. Он побежал обратно в свою комнату и увидел, как Ахмед, вооружившись длинным рожком для обуви, осторожно погружает пятку в светло-коричневую туфлю. Глянув в окно, Бен увидел, как последние, все более редкие вереницы девочек в бело-черных одеждах тянутся через лужайку и исчезают из виду.

— Ахмед...

Наконец они вдвоем спустились по лестнице. Бен толкнул поперечину входной двери, и они вышли на воздух — почти неподвижный и безветренный. Солнце нижним краешком уже коснулось крон деревьев. В кампусе сделалось пусто, как на городской площади после воздушной тревоги.

— Ох, как же здесь красиво! — восхитился Ахмед. — Моим братьям непременно надо тоже повидать это местечко!

Делая каждый шаг, Ахмед явственно наслаждался мягким нажимом ступней на землю. Правую руку он широко отмахивал в сторону, словно сеятель, бросающий семена в пашню. Бен прибавил шагу и теперь едва ли не тащил за собой Ахмеда, торопясь выйти на огибающую пруд дорожку. В какой-то миг деревья сомкнулись вокруг них сплошной стеной.

— Уверен, без нас они не начнут.

— Из-за нас двоих, Ахмед, пятьсот человек не станут откладывать трапезу.

Чтобы поспевать за Беном, Ахмеду приходилось примерно каждые десять шагов нагонять его забавной двухшажной рысью. Свет ранних сумерек, проникая сквозь высокие и узкие ели, отражался от поверхности пруда, и вся эта идиллическая картина словно насмехалась своей безмятежностью над торопливостью Бена.

Наконец они свернули с тропы и, быстро одолев пару ступенек вверх, оказались на вымощенной кирпичной брусчаткой дорожке, ведущей в столовую. Столовая — или официально «Обеденный корпус», хотя никто ее так, естественно, не называл, — очень напоминала квадратные здания общежитий и тоже была выстроена из кирпича и камня в стиле английской готики, только казалась лет на сорок старше и лет на сорок изящнее, чем те. По низу шиферных скатов крыши шли водосточные желоба с гáргульями, высокие окна прикрывали свинцовые решетки, отчего те превращались во множество маленьких окошек, а ведущий к двери в столовую проем располагался в высокой, в два этажа, каменной арке.

Наконец они вдвоем приблизились к дубовым входным створкам в двенадцать футов высотой. Бен взялся

за кованое витое кольцо на двери — толстое, как садовый шланг, и шириной с пирожковую тарелку — и всем своим весом потянул. Широкие дверные петли мягко подались, и Ахмед первым шагнул внутрь. Гулко постукивая подошвами по каменному полу, они быстрым шагом миновали ведущий к обеденному залу длинный коридор с высокими готическими окнами с одной стороны и дубовыми табличками со списками именитых выпускников с другой. Множество пальцев столько раз водило по ним в поисках прославленных имен, что местами таблички оказались уже натерты до блеска. Очень скоро послышался гул множества голосов из обеденного зала.

Бен напомнил Ахмеду, где тому следует сидеть, и пошел искать собственный стол, за которым уже вовсю уплетали главное блюдо. Другие ребята и два учителя улыбнулись Бену, однако он, вспыхнув от смущения, постарался все же не привлекать к себе особого внимания.

В зале отдыха столовой, где после ужина собрались наряженные школяры, Бен обвел глазами гудящую разговорами толпу и наконец разглядел косматую голову Хатча, склонившегося над пузатыми кофейниками, больше похожими на супницы. Хатч умел окружать себя ореолом уверенности в себе и в своих действиях. Бен стал пробиваться к нему, оставив позади ребят, сидевших с ним за одним столом, пока они еще только искали, куда бы прилепиться. С мгновение Хатч пытался его узнать — как будто нарочито выдерживая паузу, — но потом все же улыбнулся, и они пожали руки и даже быстро обнялись, склонившись друг к другу плечами.

Хатч почувствовал рядом щуплое и тоненькое туловище Бена, всегда казавшееся ему каким-то бесплотным. Может, Бен в самом деле отсутствовал здесь и какая-то существенная его часть находилась где-то в другой точке пространства, в том месте, которое он считал лучше

этого? Порой Хатчу приходило в голову: а что, если Бен и лагерь «Тонгахивин» считал местом недостойным?

Из высоких серебряных емкостей они налили себе кофе, после чего Хатч отошел к стайке ребят, с которыми уже стоял до этого, и представил Бена Эвану — своему низкорослому и темноволосому соседу по комнате, который и прежде ходил с ним в одну школу в Локуст-Вэлли на Лонг-Айленде. Их родители заранее созвонились с администрацией, договорившись, чтобы мальчиков поселили в одну комнату. Вскоре они уже стояли в компании из шести человек: к ним добавились Тодд, Марк и Кайл, которые тоже жили в корпусе Вудрафа рядом с Хатчем и Эваном. Все уже успели прослышать о прислуге Ахмеда, и это, похоже, было единственным, что им хотелось обсуждать.

— Кто вообще так, мать его, делает?! — возмущался Хатч, обращаясь напрямую к Бену, словно призывая того разделить его праведный гнев. Ахмед, по-видимому, попрадал какие-то очень важные для Хатча основы, и теперь тому необходимо было, чтобы все с ним в этом согласилось.

— Он что, считает, что все еще у себя дома, в своей гребаной феодальной стране? — высказал Эван естественно напрашивающуюся мысль.

Бен хотел было сказать, что лицо у Ахмеда искреннее и взгляд ясный и открытый, что в нем не чувствуется какой-то хитрости или коварства... Но вместо этого решил рассказать ребятам про кожаный диван, про фотографии на стенах, про стереосистему. И только открыл рот, как почувствовал на своем локте чьи-то цепкие пальцы.

Бен резко обернулся, опасаясь, что это может быть Ахмед, однако уже по жесткому прикосновению чужой руки понял, что это кто-то другой. Он обнаружил

за спиной парня чуть пониже него, с густыми рыжими веснушками по всему лицу и с волосами в цвет этих веснушек. Тот сиял радостной улыбкой. Это оказался Рори, тоже сквошист из числа юниоров, на год старше Бена, однако не такой уж сильный игрок и не то чтобы крутой парень.

— Бен! — воскликнул Рори.

Бен улыбнулся, вскинул брови, чувствуя, как группа ребят позади него застыла в ожидании, пытаясь уяснить, стоит ли их драгоценного времени этот разговор.

— Привет, Рори.

— Я так боялся, что команда Сент-Джеймса профукает этот год, решив переключиться на софтбол. Еще и Коул Куинлан после выпускного попал в аварию. Но я видел, как ты играл на Национальном турнире. Чувак, с нами «Поток» устремится мощнее, всех смывая на пути!

Бен уже начал было лелеять надежду, что сумеет произвестить на других ребят впечатление своей репутацией в сквоше, пока Хатч не поднимет это дело на смех, но тут же услышал, как тот начал что-то по секрету говорить своим приятелям, и компания разом сомкнулась вокруг него, а Бен остался говорить с новоприбывшим.

— А Прайс тут? — поинтересовался Бен. — Я его пока что не видел.

Рори усмехнулся.

— Прайс появляется на большом ужине, только если его самого туда потянет. Он тебя найдет, не беспокойся.

Бен в ответ вяло улыбнулся.

— Чувак, завтра у нас начинаются капитанские тренировки¹⁹. Жду не дождусь посмотреть, как ты играешь. Чертовски хочется увидеть!

---

¹⁹ Тренировки, проводимые капитаном команды без участия персонала школы и направленные на физическую подготовку участников. *Прим. ред.*

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

